

**РОЗБУДОВА ДЕРЖАВИ І ПРАВА ПИТАННЯ ТЕОРІЇ
ТА КОНСТИТУЦІЙНОЇ ПРАКТИКИ**

ВАРДАНЯН Л. Г.,
кандидат юридических наук,
старший слідователь
по особо важным делам
(Следственный комитет
Республики Армения)

УДК 343.139

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

В научной статье исследуются проблемы права на жизнь в контексте современных междисциплинарных изменений в науке. Подчеркивается, что современное правовое регулирование должно исходить из ценности жизни, для чего необходимо ее конституционное закрепление.

Ключевые слова: право на жизнь, биоправо, биоэтика, естественное право.

У науковій статті досліджуються проблеми права на життя в контексті сучасних міждисциплінарних змін в науці. Підкреслюється, що сучасне правове регулювання повинно виходити з цінності життя, для чого необхідне її конституційне закріплення.

Ключові слова: право на життя, біоправо, біоетика, природне право.

In the scientific article examines the problem of the right to life in the context of contemporary interdisciplinary developments in science. The author asserts that the current legal regulation should come from the value of life, which is necessary for its constitutional recognition.

Key words: right to life, biolaw, bioethics, natural law.

Введение. В течение многих веков жизнь и право на жизнь рассматривались с позиций философии, биологии, социологии, медицины, права. Им посвящены многие работы видных исследователей, в том числе и современных ученых. Среди них можно назвать работы Н.М. Коркунова, Л.А. Морозовой, О.С. Капинус, Г.Б. Романовского и других. Однако многие из этих исследований не проводились в междисциплинарном ключе, что необходимо для современности. Новое понимание права на жизнь имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Постановка задания. Целью статьи является исследование права на жизнь, выявление ее современных проблем и предложение новых подходов для их решения.

Результаты исследования. В праве, рассматривая содержание понятия права на жизнь, ученые, как правило, сегодня также исходят из его естественности, как впрочем и в Новое время. Весьма красочно описывает это право Н.М. Коркунов: «Это естественное право абсолютно не обусловлено ни временем, ни местом. Оно существовало бы и было бы тем же самым, если бы даже Бога не существовало» [1, с. 19]. Согласно данной концепции естественное право на жизнь принадлежит человеку с рождения. Однако естественные науки, в особенности их «технологическая часть», уже доказали, что биологическая жизнь человека начинается задолго до рождения, что в праве практически не отражено.

Из существующих в мире конституций лишь некоторые устанавливают право на жизнь нерожденного. Так, Конституция Ирландии указывает: «Государство признает право на жизнь нерожденного и, имея в виду равное право на жизнь матери, гарантирует в своих законах уважение и, насколько это возможно, защищает и поддерживает своими законами это право». Такова позиция и Конституций Словакии и Чехии.

В Конституции РА указывается: «Каждый имеет право на жизнь. Никто не может быть приговорен или подвергнут смертной казни». Такая регламентация права на жизнь оставляет понимание содержания права на интуитивном уровне: не разъясняет, что надо понимать под правом на жизнь. Однако, как известно, жизнь человека охраняется всеми отраслями законодательства, а правовую основу для этого создает Конституция, и лишь указание права на жизнь не может способствовать обеспечению охраны жизни в полной мере. Не надо забывать, что, как указывает Л.А. Морозова: «В процессе реализации основных прав сталкиваются различные интересы: субъектов этих прав, других лиц, общества в целом. В силу этого определение пределов основных прав, условий их реализации и порядка разрешения возможного конфликта интересов – объективная потребность нормального функционирования социума, с одной стороны, и свободы личности – с другой» [2, с. 26]. Кроме того, содержание конституционного права на жизнь не должно ограничиваться лишь постановкой вопроса о допустимости применения смертной казни. Смертная казнь – это лишь частный случай насильственного лишения жизни.

Анализ правовой литературы показывает, что зачастую при определении права на жизнь допускается ее неоправданно широкое толкование. Так, в теории права была предпринята попытка рассмотрения права на жизнь как составляющего элемента права на неприкосновенность личности, под которым понималось право на государственную охрану и защиту от неправомерных посягательств на личную безопасность лица. Личная безопасность включала в себя физическую (жизнь, здоровье, физическая целостность), нравственную (честь, достоинство), духовную (возможность на основе свободы волеизъявления располагать своими поступками, не подвергаться незаконному принуждению). А.Н. Головицкая трактует его «как естественную, неотъемлемую от личности и гарантируемую нормами внутреннего законодательства и международно-правовыми актами возможность охраны и защиты неприкосновенности жизни» [3]. А.П. Золотых рассматривает право на жизнь «как абсолютное, неотъемлемое и неотчуждаемое, безусловно принадлежащее индивиду от рождения естественное право на физическое существование, которое реализуется непосредственно им» [4]. А.М. Зайцева понимает анализируемый феномен «как признаваемое и гарантируемое государством субъективное прирожденное право человека как биосоциодуховного существа на самореализацию» [5]. О.С. Капинус и В.И. Макринская указывают: «Право на жизнь в широком смысле – это не просто право на то, чтобы жить, чтобы человека никто не мог произвольно лишить жизни (что само собой разумеется), а право на то, чтобы жить свободно, мирно, нормально. <...> Право на жизнь – это право на достойное человеческое существование, включающее в себя целый ряд так называемых смежных прав (на образование, на охрану здоровья, на свободу от унижительного или бесчеловечного обращения, на уважение к частной и семейной жизни и др.)» [6, с. 30].

Но нам представляется, что Конституция РА исходит из узкого понимания права на жизнь: закон, фиксируя право на жизнь в числе важнейших прав человека, прежде всего говорит о живых людях, в биологическом смысле этого слова. Однако только биологическая жизнь еще не позволяет человеческому существу с точки зрения современного права называться человеком и иметь право на жизнь. До момента рождения закон допускает восприятие этого существа в качестве объекта индивидуальной биовласти, как части тела матери, которой она имеет право распоряжаться по своему усмотрению с небольшими ограничениями. Право «био-» и «социо-» в человеке не расценивает как равноправные и равнозначные элементы одного целого. До сих пор доминирующий социологизм требует исходить прежде всего из социальной составляющей человека, искать личность там, где его вовсе не может быть, если исходить из материалистического понимания этого феномена. «Если homo

sapiens оценивать как биологический вид, то в чем-чем, а в государстве и праве человек меньше всего нуждается. Дикие животные, микроорганизмы живут вне государственных институтов», – пишет Г.Б. Романовский. Хотя надо отметить, что он же указывает: «Хотя в любом случае следует признать, что отними у человека средства к существованию, он умрет как биологический объект» [7, с. 2].

Да, мы согласны, что человек – существо социальное. Но как справедливо замечает В.Н. Лавриненко, «он есть дитя природы и не может в своем существовании выйти за ее рамки, функционировать безотносительно к своей собственной биологической природе, не может перестать есть, пить, покинуть свою телесную оболочку и т.д.» [8, с. 2].

Социальное в человеке не может существовать без его биологической оболочки, а вот биологическое без социального – вполне. Общество в своем самом примитивном определении является совокупностью людей, и поэтому общество без людей не существует, чего нельзя сказать об обратном. Поэтому общество должно быть заинтересовано в создании условий, прежде всего, биологического существования человека как своей единицы. Однако как содержание права на жизнь эти условия не должны быть рассмотрены во избежание широкого понимания права на жизнь, которое в таком случае вбирает в себя довольно широкий спектр отношений, а временами правовое содержание иных правовых норм.

Момент рождения законом рассматривается как «отправной пункт» предоставления права на жизнь. Вместе с тем рождение с медицинской точки зрения – это не одномоментный процесс, а значит, «момента рождения» в природе не существует. И значит, законодательное закрепление «начала» права на жизнь является чистой юридической фикцией, абстракцией, которая не имеет в объективной действительности каких-либо оснований. Наверное, поэтому определение точного момента рождения – тема утихающих дискуссии в теории права.

Однако может ли в принципе такое неотделимое от человека благо, как жизнь, быть объектом соответствующего права? Нам представляется, что «право на жизнь» – это «иметь право жить», что аналогично приводит к логическому заключению, будто бы государство может предоставить это благо своим гражданам.

Жизнь, например, в гражданском праве рассматривается как одно из нематериальных благ, к числу признаков которых относятся отсутствие материального (имущественного) содержания, неотделимость от личности, а также индивидуализация личности их обладателя. А если нематериальное благо не выражено в какой-либо объективной (материальной) форме или неотделимо от личности его носителя (жизнь, честь, достоинство), то в отношении такого нематериального блага невозможно совершить какие-либо действия. Следовательно, по поводу этих благ не могут складываться общественные отношения, они не являются объектом личных неимущественных прав и не существует «право на жизнь» или «право на достоинство». Такой подход выражен М.Л. Норхиной [9], и мы с ней солидарны. В этом случае пользоваться многими нематериальными благами, в том числе и жизнью, можно и не имея на них субъективного права. Личные нематериальные блага представляют самостоятельную ценность для их носителя и существуют независимо от степени и характера их правового урегулирования.

Причем в качестве одного из распространенных способов защиты нематериальных благ гражданское законодательство указывает признание права. Такое признание права происходит и при законодательном закреплении права на жизнь. Так обстоит дело, например, при признании права на жизнь эмбриона. Оно не предоставляет эмбриону или плоду возможности продолжать свое развитие, а является своеобразной юридической конструкцией, являющейся способом защиты его жизни от вторжения посторонних лиц, а также в процесс его развития.

Если право на жизнь – юридическая фикция, имеющая смысл лишь как способ защиты жизни, то и пределы предоставления такой защиты в некоторой степени зависят от усмотрения государства. Так, например, у человеческого эмбриона есть жизнь в биологическом смысле этого слова, однако защиту его жизни государство не предоставляет, именно поэтому становится юридически правомерным, а практически возможным прекращение его

жизни. Если еще принять во внимание все углубляющуюся секуляризацию права от морали и нравственности, то становится ясным, почему первостепенным фактором в этом вопросе является именно усмотрение законодателя, а не наличие биологического основания жизни.

Представляется, что вопрос не в том, является ли живым человеческое существо в утробе матери, а является ли оно человеком. Причем история показывает, что предоставление обществом права считаться человеком на различных стадиях исторического развития отдельными социальными или этническими группами практически было отвоевано в прямом смысле слова (рабы, представители негроидной расы, женщины и т. д.). Право называться человеком было присвоено законом, исходя из целей дальнейшего стабильного развития общества, а не потому, что представители группы стали личностями либо людьми, то есть по причине «вполне» политической. Поэтому признать за эмбрионом или плодом права называться человеком тоже возможно, исходя из той же политической необходимости, тем более, что современные биотехнологические методы и развитие генетики уже подготовили для этого почву: мозг 20–22-недельного плода ничем не отличается от мозга новорожденного.

Заметим также, что особенность осуществления личных неимущественных прав состоит в том, что законом не определяются пределы реализации нематериальных благ уполномоченным лицом, а устанавливаются границы вторжения посторонних лиц в личную сферу, и если эти пределы нарушаются, допускается применение принудительных мер к их восстановлению. Для определения границ вторжения моральные нормы играют первостепенную роль. Право всегда должно вбирать в себя мораль. Хотя современное право отказывается в предоставлении права на жизнь эмбриону человека, то, что эмбрион с первых дней беременности является субъектом моральных отношений, не вызывает сомнения. Сами по себе отношения предполагают наличие, хотя бы двух субъектов, один из которых является тем, к кому относятся. В нашем случае первое моральное отношение возникает между матерью и тем, кто должен еще стать личностью в современном материалистическом понимании, но уже является человеком.

Заметим, что с развитием биоэтики и регуманизации науки все больше развивается идея о неразрывности тела и личности: личность реально присутствует в теле и принадлежит телу. Происходит персонализация тела. И здесь мы подходим к субтанциональному подходу, который определяет личность по онтологическому принципу, согласно которому личность может быть личностью даже в отсутствии действий. Понятие личности здесь определяется по формуле Северина Боэция “*Persona est naturae rationalis individua substantia*” [10]. Через понятие человеческого субъекта и человеческой субстанции делается отсылка как на телесный, так и на духовный компонент. И мы уже не можем говорить, что плод человека, который принадлежит к человеческому роду, не является личностью. Исходя из этого, эмбриону можно присвоить статус личности, так как он желает вести себя как живое существо, имеет свою индивидуальную генетическую природу.

Заметим, что позиция законодателя при установлении более широких пределов права на жизнь не должна рассматриваться как решение, детерминированное исключительно его волей. Важным гарантом правильного установления пределов предоставления правовой защиты жизни должно стать включение аксиологической ценности жизни человека в само право. Этого, конечно, сегодняшняя концепция права обеспечить не может. Традиционно право ограничивают от религии, морали, нравственности, философии, иных социальных наук, которые развиваются изолированно друг от друга, что оставляет за рамками права понимание ценности человеческой жизни.

Между тем научное понимание жизни человека органически соединяется с ценностным подходом, в определении ее нельзя не коснуться социальных, нравственно-этических аспектов, тем более в контексте развития биомедицинских технологий. Ценность жизни первостепенна, ибо для правового государства человек – самоценность и самоцель исторического развития, а жизнь без ее носителя – пустая категория.

Реалии изменились, и право должно отражать безусловную ценность человеческой жизни, а не ее утилитарные оценки. Коэволюция «политика – этика – наука» и в ее рамках

реализация тандема «биоэтика – право» через новую концепцию права – биоправо – дает возможность переноса антропологизации науки и этизации политики в право.

Также надо отметить, что ценность жизни в контексте биоправа не сводится к ее полезности. Поэтому нельзя считать приемлемым мнение Х. Борленда, который указывает: «Право на жизнь, на человеческую жизнь, есть нечто большее, чем право на простое существование. Все мы обладаем правом на существование, но оно даруется нам наряду с долгом прожить полезную жизнь – жизнь, посвященную какой-то цели. Без этого жизнь не имеет осмысленного значения» [11]. Такая постановка проблемы приводит к тому, что полезность жизни коррелирует с концепцией социальной полезности, когда ценность индивида зависит от его дееспособности и полезности для общества.

В этом контексте необходимо отметить два момента. Во-первых, исходя из этих представлений, понимаем, что право на существование должно быть «заработано», заслужено с помощью какого-либо вклада в социально-экономический круговорот вещей. Если подобных вложений нет или они чем-то отличаются от общепринятых стандартов, то социальная ценность такого пути вызывает сомнение, а здесь лишаются права на жизнь, например, все недееспособные.

Во-вторых, превосходство ценности полезного особенно заметно в обществах эпохи индустриализма, которая сегодня достигает наивысшей точки развития. Однако закрепление правом этой позиции может привести еще большей секуляризации права от иных социальных норм, например нравственных и моральных, что неприемлемо в контексте всеобщей духовной деградации общества и недопустимо с точки зрения необходимости противостояния новым вызовам XXI века.

Возможности свободной самореализации и развития человека, который не только является социально-биологическим существом, но и существом, обладающим духовностью, должны быть сопоставимы с духовными ценностями общества. Право должно перенять биоэтический подход к пониманию жизни, где нет места «секулярному» человеку без морали, нравственности и духовности. Биоэтика обозначает правила, которые в праве должны превращаться в «ограничителей» биовласти, ограничивает возможный произвол биополитики и технонауки на всех уровнях.

С другой стороны, расширение временных рамок права на жизнь имеет вполне прагматические цели. В РА актуальными проблемами биополитики, которые имеют непосредственную связь с проблемами права на жизнь, являются уменьшение численности населения, увеличение темпов миграции, (причем «вымывается» из генофонда наиболее профессионально подготовленная часть), фактически военное положение, упадок численности рождаемости, изменение возрастной структуры в сторону старения. Данные реалии должны учитываться при разработке принципов решения проблем внутренней биополитики РА. Законодатель просто вынужден пересмотреть политику в сфере охраны жизни, несколько уточнив критерии и пределы правомерности индивидуальной биовласти, установив и правовой статус эмбриона и плода, дав последним право называться человеком, начиная хотя бы с определенной стадии развития.

Определяющее значение ценности жизни в праве выявляется не только на внутригосударственном уровне. Ценность жизни должен является основным узлом, который связывает внутригосударственную правовую систему с внешней, наднациональной. Актуальность политологического определения концептуальных особенностей права на жизнь в новых глобальных условиях обусловлена необходимостью усиления гуманистических основ международных отношений в контексте практической реализации принципов глобальной этики [12]. Биоправу суждено в дальнейшем дать биоэтическим дилеммам решения, которые будут законодательно закреплены и смогут отражать аксиологическое обоснование человеческой жизни в праве, поднимут биовласть на государственный уровень, задав направление глобальной биополитике.

Выводы. Выявляется необходимость законодательного закрепления биоэтического подхода к пониманию жизни, закрепления позиции, согласно которой не право на жизнь яв-

ляется высшей ценностью, а сама жизнь – высшая ценность. Такое закрепление подчеркнет аксиологический аспект жизни. В Конституции соответствующая норма может быть установлена в такой редакции: «Жизнь человека – величайшее благо, обеспечить ее всемерную охрану – обязанность государства. Государство гарантирует право на жизнь нерожденного человека в соответствии с биологическими предпосылками его развития».

Список использованных источников:

1. Морозова Л.А. Принципы, пределы и основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву / Л.А. Морозова // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 15–28.
2. Головистикова А.Н. Философско-содержаниекатегории «жизнь» и ее реализация в праве / А.Н. Головистикова // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 18–32.
3. Золотых А.П. Конституционное право человека на жизнь и корреспондирующие ему обязанности государства : дисс. ... канд. юрид. наук / А.П. Золотых. – Тюмень, 2008. – 215 с.
4. Зайцева А.М. Жизнь человека как объект конституционно-правового регулирования : дисс. ... канд. юрид. наук / А.М. Зайцева. – М., 2009. – 184 с.
5. Капинус О.С. Право на жизнь и система смежных прав личности / О.С. Капинус, В.И. Макринская // Современное право. – 2005. – № 9. – С. 22–36.
6. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь / Г.Б. Романовский. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 365 с.
7. Философия : [учебник] / под ред. В.Н. Лавриненко. – М., 2004. – 450 с.
8. Норхина М.Л. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными / М.Л. Норхина. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 315 с.
9. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ips.ras.ru.
10. «Неотъемлемые права» Декларации независимости // 200 лет США. – Вашингтон, 1976.
11. Аннан К. Сохранились ли у нас всеобщие ценности? / К. Аннан // Международная жизнь. – 2004. – № 2. – С. 18–27.

